

СТИВЕН КИНГ & РИЧАРД ЧИЗМАР

СТИВЕН КИНГ & РИЧАРД ЧИЗМАР

ГВЕНДИ
— И ЕЕ —
ШКАТУЛКА

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

К41

Серия «Вселенная Стивена King»

Stephen King and Richard Chizmar

GWENDY'S BUTTON BOX

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Компьютерный дизайн *С. Жбанова*

Печатается с разрешения литературных агентств

The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Гвенди и ее шляпулка : [повесть] / Стивен Кинг, Ричард Чизмар ; [перевод с английского Т. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 192 с. — (Вселенная Стивена Кинга).

ISBN 978-5-17-151605-5

Из Касл-Рока до Касл-Вью можно добраться тремя путями: по шоссе номер 117, по Плезант-роуд или по Лестнице самоубийц. Каждый день на протяжении всего лета 1974 года двенадцатилетняя Гвенди Питерсон поднималась по лестнице, державшейся на крепких железных болтах и проходившей зигзагом по отвесному склону.

И однажды, когда Гвенди поднялась на вершину, переводя дыхание и слыша крики детей на площадке, к ней обратился незнакомец. На скамейке в тени сидел человек в черных джинсах, черном пиджаке и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На голове у него была аккуратная маленькая черная шляпа. Придет время, и эта шляпа станет преследовать Гвенди в кошмарах...

В маленьком городке Касл-Рок, штат Мэн, происходило много необычного, но об одной истории вы все же еще не слышали. И теперь пришло ее время...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Сое)-44

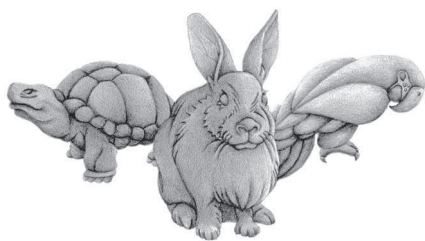
© Stephen King and Richard Chizmar, 2017

© Interior Artwork by Keith Minnion, 2017

© Перевод. Т. Покидаева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-151605-5

1

ИЗ КАСЛ-РОКА ДО КАСЛ-ВЬЮ можно добраться тремя путями: по шоссе номер 117, по Плезант-роуд или по Лестнице самоубийц. Каждый день на протяжении всего лета — да, даже по воскресеньям — двенадцатилетняя Гвенди Питерсон поднимается по лестнице, держащейся на крепких (пусть и ржавых от времени) железных болтах и проходящей зигзагом по отвесному склону. Первую сотню ступенек Гвенди проходит шагом, вторую сотню пробегает трусцой, а последние сто пять ступеней заставляет себя нестись со всех ног — в безудержной предвыборной гонке, как ска-

зал бы ее папа. На вершине она стоит, согнувшись пополам, и сжимает руками колени. Щеки горят, мокрые от пота волосы липнут к лицу (они всегда выбиваются из-под резинки на этом финишном спринте, как бы туго она ни собирала их в хвост). Дышит она тяжело, словно старая ломовая лошадь. Но все-таки улучшения есть. Когда она выпрямляется и смотрит себе под ноги, склонив голову, ей видны носки кроссовок. Которые не были видны в июне, в последний день школьных занятий, в ее последний день в начальной школе Касл-Рока.

Футболка пропиталась потом и липнет к телу, но в целом Гвенди чувствует себя очень даже неплохо. В июне она всерьез опасалась, что умрет от инфаркта, каждый раз, когда поднималась к вершине. С детской площадки неподалеку доносятся крики детишек. Чуть дальше, с бейсбольного поля, — звон алюминиевой биты, бьющей по мячу. Старшеклассники тренируются к благотворительному матчу на День труда.

Она протирает очки носовым платком, который держит в кармане шорт специально для этих целей, и вдруг слышит, как к ней обращаются:

— Эй, девочка. Иди сюда. Есть разговор.

Гвенди надевает очки, и расплывчатый мир вновь обретает четкость. На скамейке в теничке рядом с гравийной дорожкой, ведущей от лестницы в парк Касл-Вью, сидит человек в черных джинсах, черном пиджаке и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На голове у него — аккуратная маленькая черная шляпа. Придет время, и эта шляпа будет преследовать Гвенди в кошмарах.

На этой неделе он сидит здесь каждый день, на одной и той же скамейке, читает одну и ту же книгу («Радуга тяготения», толстенный том, с виду — явно не легкое чтение), но до сегодняшнего дня он ни разу к ней не обращался. Гвенди смотрит на него с опаской.

— Нельзя разговаривать с незнакомцами.

— Дельный совет. — По виду он папин ровесник, ему лет тридцать восемь, может, чуть

больше. Вполне приятной наружности. Но черный пиджак жарким августовским утром наводит на мысли, что его обладатель — человек со странностями. Потенциальный псих. — Мама тебе запрещает?

— Папа, — отвечает Гвенди. Ей придется пройти мимо него, чтобы добраться до детской площадки, и если это и вправду псих, может быть, он попытается ее схватить, но она не особенно переживает на этот счет. Сейчас светло, детская площадка совсем рядом, там много народу, и сама Гвенди уже отдышалась.

— В таком случае, — говорит человек в черном пиджаке, — позволь мне представиться. Я Ричард Фаррис. А ты?..

Она колеблется, потом спрашивает себя: а что такого?

— Гвенди Питерсон.

— Ну вот. Теперь мы знакомы.

Гвенди качает головой.

— Знать имя — не значит знать человека.

Он смеется, запрокинув голову. Его смех такой искренний и обаятельный, что Гвенди

невольно улыбается. Но все равно держится в отдалении.

Он целится в нее из пальца: пиф-паф.

— Хорошо сказано. *Ты* хорошая девочка, Гвенди. И кстати, раз уж зашел разговор: что за странное имя?

— Сочетание двух имен. Папа хотел назвать меня Гвендолин — так звали его бабушку, — а мама хотела Венди, как в «Питере Пэне». Вот они и решили объединить оба имени. Вы здесь на отдыхе, мистер Фаррис?

Вполне вероятно; это же Мэн, а штат Мэн провозглашает себя раем для отдыхающих. Страна каникул. Так написано даже на автомобильных номерных знаках.

— Можно и так сказать. Я, видишь ли, путешествую. На прошлой неделе — Мичиган, на следующей — Флорида, потом, может быть, Кони-Айленд — съесть хот-дог и прокатиться на «Циклоне». Меня, наверное, можно назвать скитальцем, и мой путь — вся Америка. Я наблюдаю за некоторыми людьми и время от времени проверяю, как у них обстоят дела.

На бейсбольном поле за детской площадкой бита со звоном отбивает мяч, раздаются одобрительные крики.

— Что ж, было приятно с вами поговорить, мистер Фаррис, но мне надо идти...

— Подожди, задержись на минутку. Видишь ли, ты как раз из тех самых людей, за кем я наблюдаю в последнее время.

Это должно бы прозвучать зловеще (и так оно и звучит), но он по-прежнему улыбается и весело смотрит на меня, и если он и вправду маньяк-педофил, то хорошо это скрывает. Хотя настоящий маньяк, размышляет Гвенди, никогда не покажет свою натуру. Приходи ко мне в гости, говорил мухе паук.

— У меня есть теория насчет тебя, мисс Гвенди Питерсон. Как и положено всякой хорошей теории, она основана на тщательных наблюдениях. Хочешь послушать?

— Да, наверное.

— Я заметил, ты чуть полновата.

Наверное, он видит, как она напряглась, потому что поднимает руку и качает головой, мол, *подожди*.

— Возможно, ты сама считаешь себя жирной, потому что девчонки и женщины в нашей стране имеют странные представления о собственной внешности. СМИ... ты знаешь, что такое СМИ?

— Конечно, знаю. Газеты. Телевидение. «Тайм» и «Ньюсуик».

— Все верно. Так вот. СМИ кричат: «Девочки, женщины, вы можете стать кем угодно в этом дивном новом мире, при условии, что видите носки своих туфель, когда стоите прямо».

Он *и вправду* за мной наблюдал, думает Гвенди, потому что я каждый день проверяю, видны — не видны, когда поднимаюсь наверх. Она краснеет. Это никак от нее не зависит, но смущенный румянец — явление внешнее. Внутри у Гвенди нарастает вызов: *и что с того?* Именно это заставляет ее каждый день бегать по лестнице. Этот протест и еще Фрэнки Стоун.

— Моя теория состоит в том, что кто-то насмешливо отозвался о твоём лишнем весе, или о внешности, или о том и другом сразу, и ты решила взять ситуацию под контроль.

Я угадал? Может, не в самое яблочко, но в мишень-то уж точно попал?

Возможно, потому, что он совершенно чужой человек, она может запросто рассказать ему то, о чем не рассказывала ни маме, ни папе. Или, возможно, все дело в его голубых глазах, в которых — искренний интерес и любопытство, но вовсе нет злобы. Во всяком случае, Гвенди ее не видит.

— Фрэнки Стоун, мой одноклассник, называет меня Гудиер. Знаете, как...

— Как дирижабль. Да, я знаю рекламные дирижабли «Гудиер».

— Ага. Фрэнки противный и гадкий.

Она думает, не рассказать ли ему, этому человеку, как Фрэнки расхаживал по детской площадке и орал: *А я Фрэнки Стоунер! У меня огромный хер! Фу ты, ну ты, не меньше двух футов!* — но решает, что лучше не надо.

— Другие мальчишки тоже начали обзываться, а потом подхватили и некоторые девочки. Не те, с которыми я дружу, а другие девочки. Это было в шестом классе. А в сентябре начинается средняя школа, и я... в общем...

— Ты решила, что это обидное прозвище не увяжется за тобой, — говорит мистер Ричард Фаррис. — Понятно. Кстати, ты еще вытянешься, подрастешь. — Он обводит ее взглядом с головы до ног, но в этом взгляде нет ничего гнусного. Скорее это пристальный взгляд ученого. — Я бы сказал, ты остановишься на пяти футах и десяти дюймах. Может, даже одиннадцати. Будешь высокой для девчонки.

— Я уже чуточку подросла, — говорит Гвенди, — но я не собираюсь ждать.

— Я так и думал, — отвечает Фаррис. — Не жди, не скули и не ной, а разбирайся с проблемой. Атакуй ее в лоб. Восхитительно. Поэтому мне и хотелось с тобой познакомиться.

— Было приятно с вами поговорить, мистер Фаррис, но мне действительно надо идти.

— Нет. Тебе надо остаться здесь. — Он больше не улыбается. Выражение его лица стало строгим, голубые глаза как будто сделались серыми. Тень от шляпы лежит тонкой линией у него на лбу, словно татуировка. — У меня для тебя кое-что есть. Подарок. Потому что ты именно та, для кого он предназначен.